

РОБЕРТ ИВАНОВИЧ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

МЫ ДОЛГОЕ ЭХО ДРУГ ДРУГА

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

русская классика

Роберт Рождественский
Мы долгое эхо друг друга
Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Текст предоставлен правообладателем
https://litres.ru/72724477
Р. И. Рождественский. Мы долгое эхо друг друга: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2025
ISBN 978-5-17-176595-8

Аннотация

Яркость слова, красота языка, точность формулировок, искренность и умение говорить просто даже о самых сложных вещах помогли Роберту Рождественскому стать народным поэтом, чьи стихи знает вся страна.

Его произведения отличались особой лиричностью и мелодичностью, благодаря которым превращались в песни, звучавшие в самых популярных кинофильмах того времени. Многие строки до сих пор на слуху: «Не думай о секундах свысока», «Мои года – мое богатство», «Я прошу, хоть ненадолго, грусть моя, ты покинь меня», «А эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала» и др.

Темы стихов Роберта Рождественского актуальны во все времена: это любовь и дружба, верность долгу и честность перед собой, удары судьбы и вызовы, на которые приходится отвечать обычным людям, сильным и слабым одновременно…

Содержание

Стихотворения 5
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Роберт Рождественский
Мы долгое эхо друг друга

© Р. Рождественский, наследники, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

Стихотворения

Баллада о таланте, боге и черте
Все говорят:
«Его талант – от бога!»
А ежели – от черта?

Что тогда?..

Выстраиваясь медленно в эпоху,
ни шатко и ни валко
шли года.
И жил талант.
Больной.
Нелепый.
Хмурый.
Всего Гомера знавший назубок,
Его считал
своею креатурой
тогда еще существовавший
бог.
Бог находил, что слог его прекрасен,
что на земле таких —
наперечет!..

Но с богом был, конечно, не согласен
тогда еще не отмененный
черт.
Таланту черт шептал:
«Опомнись,
бездарь!
Кому теперь стихи твои нужны?!
Ведь ты, как все,
погибнешь в адской бездне.
Расслабься!
Не отягощай вины».
И шел талант в кабак.
И —
расслаблялся.
Он пил всерьез!
Он вдохновенно
пил!
Так пил,
что черт глядел и умилялся.
Талант
себя талантливо
губил!..

Бог
тоже не дремал!
В каморке утлой,

где – стол,
перо
и пузырек чернил,
бог возникал
раскаяньем наутро,
загадочными строчками
дразнил…
Вставал талант,
почесываясь сонно.
Утерянную личность
обретал.
И банка
огуречного рассола
была ему нужнее,
чем нектар…
Небритый.
С пересохшими губами.
Упрямо ждал он
часа своего…

И строки
на бумаге
проступали,
как письмена, —
отдельно от него.

И было столько гнева и напора
в самом возникновенье
этих строк!..
Талант, как на медведя,
шел
на бога!
И черта
скручивал
в бараний рог!..
Талант работал.
Зло.
Ожесточенно.
Перо макая
в собственную боль.
Теперь он богом был!
И был он чертом!
А это значит:
был
самим собой.
И восходило солнце
над строкою!..

Крестился черт.
И чертыхался бог.
«Да как же смог он
написать

такое?!»
…А он
еще и не такое
мог.

Школьным учителям
Удачи вам,
сельские и городские
уважаемые учителя!
Добрые,
злые
и никакие
капитаны
на мостике корабля.

Удачи вам,
дебютанты и асы,
удачи!
Особенно по утрам,
когда вы входите
в школьные классы,
одни – как в клетку,
другие – как в храм.
Удачи вам,
занятые делами,
которых не завершить

все равно.
Накрепко
скованные кандалами
инструкций
и окриков из РОНО.
Удачи вам,
по-разному
выглядящие,
с затеями
и без всяких затей,
любящие
или же ненавидящие
этих —
будь они трижды —
детей…
…Вы знаете,
мне по-прежнему верится,
что, если останется жить Земля, —
высшим достоинством
Человечества
станут
когда-нибудь
учителя!

Не на словах,
а по вещей

традиции,
которая
завтрашней жизни под стать,
Учителем
надо будет
родиться.
И только после этого
стать!
Он,
даже если захочет,
не спрячется:
на него,
идущего ранней
Москвой,
станут прохожие
оборачиваться,
будто бы на оркестр
духовой!
В нем будет мудрость
талантливо-дерзкая,
он будет солнце
нести на крыле…
Учитель —
профессия дальнего действия.
Главная
на Земле.

* * *

Красивая женщина —
это профессия.
И если она
до сих пор не устроена,
ее осуждают.
И каждая версия
имеет своих
безусловных
сторонников.
Ей,
с самого детства вскормленной
не баснями,
остаться одною,
а значит,
бессильною,
намного страшнее,
намного опаснее,
чем если б она не считалась
красивою.
Пусть вдовы
листают романы
прошедшие,
пусть бредят дурнушки

заезжими принцами.
А в редкой профессии
сказочной
женщины
есть навыки,
тайны,
и строгие принципы.
Идет она молча
по улице трепетной,
сидит как на троне
с друзьями заклятыми.
Приходится жить —
ежедневно расстрелянной
намеками,
слухами,
вздохами,
взглядами…
Подругам
она улыбается весело.
Подруги ответят
и тут же обидятся…
Красивая женщина —
это профессия.
А все остальные —
сплошное
любительство.

Будьте первыми!
Если вы есть —
будьте первыми!
Первыми —
кем бы вы ни были.
Из песен —
лучшими песнями.
Из книг —
настоящими книгами.
Первыми будьте!
И только.
Песенными,
как моря.
Лучше
второго художника
первый
маляр!

Спросят вас
оробело:
«Что же тогда окажется?
Ежели все
будут первыми,
кто
пойдет

в замыкающие?..»
А вы трусливых
не слушайте!
А вы их сдуйте как пену.
Если вы есть —
будьте лучшими!
Если вы есть —
будьте первыми!
Если вы есть —
попробуйте
горечь
зеленых побегов.
Примериваясь,
потрогайте
великую ношу
первых.
Как самое
неизбежное,
взвалите ее
на плечи…

Если вы есть —
будьте первыми!
Первым – трудней.
И легче.

Байкальская баллада
Их напрасно весь день искали.
Вдалеке
от привычных дорог
катерок посадило на камни.
Уходил на дно
катерок.
Экипаж катерочка —
четверо,
да еще пассажирка одна…
Видно, так судьбою начертано,
что вода
чересчур холодна.

Знали все
(зачем утешаться
и надеяться на чудеса?) —
в этом климате можно держаться
на поверхности
полчаса,
а потом…
Да ну его к черту!
Все равно не спасется никто…
Капитан
взглянул на девчонку:
– Парни,

ей-то это
за что?!
Мы
пожили не так уж мало,
а она
всего ничего…
Но ведь есть на катере
мачта!
Это ж —
лодка на одного!..
И не надо, сестренка, плакать…
Мы немножко
обманем смерть…

А она:
– Не умею плавать… —
Он:
– Тебе и не надо уметь!..
Мы привяжем тебя,
спеленаем —
не утонешь во веки веков…
Только ты постарайся, родная,
доплыви за нас,
мужиков.
Может, холод взять не успеет…
В общем,

кончим этот базар!
Передашь наши письма на берег.
Приготовься.
Я все сказал…

…Первый написал коротко:
«Извини за почерк —
холодно.
Извини за кляксы —
мокро.
Так и потонуть
можно.
Если не придет к нам
спасенье,
выйди замуж.
Твой Сеня…»

А второй
на лоб сдвинул шапку.
Передал письмо.
Ножкой шаркнул.
А в письме:
«Натаха!
Рыдать погоди!
Слезы
неполезны для красавицы…

Мы еще поплаваем!
Все впереди!
Все впереди,
кроме задницы…»

Третий
к рубке вздыбленной
плечом привалился,
шевелил губами —
широк да невезуч.
То ли – матерился,
то ли – молился,
то ли – что-то важное
учил наизусть.
«Бывшая жена моя,
кончай свою дележку —
простыни-подушки,
чашки-сапоги…
Сбереги Алешку!
Алешку.
Алешку.
Сбереги мне
сына.
Алешку
сбереги…
Знаю, что меня ты

любила
понарошку.
Но теперь —
хоть мертвому! —
перечить не моги:
сбереги Алешку.
Алешку.
Алешку.
Я тебя прощаю.
Алешку сбереги!..»

А четвертый
буркнул нехотя:
– Некому писать!..
Да и – некогда…

…Письма спрятаны в целлофане.
(Лица мокрые,
будто в крови.)
Помолчали.
Поцеловали.
И сказали глухо:
– Живи… —
Подступившие слезы вытерши,
привязали,
сказали:

– Выдержи… —
оттолкнули,
сказали:
– Выплыви… —
И смотрели вслед,
пока видели…

И плыла она по Байкалу.
И кричала,
сходя с ума!
То ль —
от гибели убегала,
то ли —
к гибели
шла сама.
Паутинка ее дыханья
обрывалась у самого
рта.
И накатывалась,
громыхая,
фиолетовая темнота!
И давили
чужие письма.
И волна как ожог была…
Почтальонша,
самоубийца —

все плыла она,
все плыла.
Все качалась
под ветром
отчаянным,
ослепительным,
низовым…
И была она
Чрезвычайным
Полномочным Послом
к живым!
Долгим эхом,
посмертным жестом,
вдовьим стоном
на много дней…

…А потом
вертолетный прожектор,
чуть качаясь
повис
над ней.

Баллада о молчании
Был ноябрь
по-январски угрюм и зловещ,
над горами метель завывала.

Егерей
из дивизии «Эдельвейс»
наши
сдвинули с перевала.

Командир поредевшую роту собрал
и сказал тяжело и спокойно:
– Час назад
меня вызвал к себе генерал.
Вот, товарищи,
дело какое:
Там – фашисты.
Позиция немцев ясна.
Укрепились надежно и мощно.
С трех сторон – пулеметы,
с четвертой – стена.
Влезть на стену
почти невозможно…
Остается надежда
на это «почти».
Мы должны —
понимаете, братцы? —
нынче ночью
на чертову гору
вползти.
На зубах —

но до верха добраться!..» —

А солдаты глядели на дальний карниз,
и один —
словно так, между прочим, —
вдруг спросил:
– Командир,
может, вы – альпинист?.. —
Тот плечами пожал:
– Да не очень…
Я родился и вырос в Рязани,
а там
горы встанут,
наверно, не скоро…
В детстве
лазал я лишь по соседским садам.
Вот и вся «альпинистская школа».
А еще, —
(он сказал, как поставил печать!) —
там у них —
патрули!
Это значит:
если кто-то сорвется,
он должен молчать.
До конца.
И никак не иначе… —

…Как восходящие капли дождя,
как молчаливый вызов,
лезли,
наитием находя
трещинку,
выемку,
выступ.
Лезли,
почти сроднясь со стеной, —
камень
светлел под пальцами.
Пар
поднимался над каждой спиной
и становился
панцирем.
Молча
тянули наверх свои
каски,
гранаты,
судьбы.
Только дыхание слышалось
и
стон
сквозь сжатые зубы…

Дышат друзья.
Терпят друзья.
В гору
ползет молчание.
Охнуть – нельзя.
Крикнуть – нельзя.
Даже —
слова прощания.
Даже —
когда в озноб темноты,
в черную прорву
ночи,
все понимая,
рушишься ты,
напрочь
срывая
ногти!
Душу твою ослепит на миг
жалость,
что прожил мало…
Крик твой истошный,
неслышный крик
мама услышит.
Мама…

…Лезли

те,
кому повезло.
Мышцы
в комок сводило, —
лезли!
(Такого
быть не могло!!
Быть не могло.
Но – было…)
Лезли,
забыв навсегда слова,
глаза напрягая
до рези.
Сколько прошло?
Час или два?
Жизнь или две?
Лезли!
Будто на самую
крышу войны…
И вот,
почти как виденье,
из пропасти
на краю стены
молча
выросли
тени.

И так же молча —
сквозь круговерть
и колыханье мрака —
шагнули!
Была
безмолвной, как смерть,
страшная их атака!
Через минуту
растаял чад
и грохот
короткого боя…

Давайте и мы
иногда
молчать,
об их молчании
помня.

Ноктюрн

Между мною и тобою – гул небытия,
звездные моря,
тайные моря.
Как тебе сейчас живется, вешняя моя,
нежная моя,
странная моя?
Если хочешь, если можешь – вспомни обо мне,

вспомни обо мне,
вспомни обо мне.
Хоть случайно, хоть однажды вспомни обо мне,
долгая любовь моя.

А между мною и тобой – века,
мгновенья и года,
сны и облака.
Я им к тебе сейчас лететь велю.
Ведь я тебя еще сильней люблю.

Как тебе сейчас живется, вешняя моя,
нежная моя,
странная моя?
Я тебе желаю счастья, добрая моя,
долгая любовь моя!

Я к тебе приду на помощь, – только позови,
просто позови,
тихо позови.
Пусть с тобой все время будет свет моей любви,
зов моей любви,
боль моей любви!
Только ты останься прежней – трепетно живи,
солнечно живи,
радостно живи!

Что бы ни случилось, ты, пожалуйста, живи,
счастливо живи всегда.

А между мною и тобой – века,
мгновенья и года,
сны и облака.
Я им к тебе сейчас лететь велю.
Ведь я тебя еще сильней люблю.

Пусть с тобой все время будет свет моей любви,
зов моей любви,
боль моей любви!
Что бы ни случилось, ты, пожалуйста, живи.
Счастливо живи всегда.

Эхо любви
Покроется небо
пылинками звезд,
и выгнутся ветки упруго.
Тебя я услышу за тысячу верст.
Мы – эхо,
Мы – эхо.
Мы —
долгое эхо друг друга.

И мне до тебя,

где бы ты ни была,
дотронуться сердцем нетрудно.
Опять нас любовь за собой позвала.
Мы – нежность,
Мы – нежность.
Мы —
вечная нежность друг друга.

И даже в краю наползающей тьмы,
за гранью смертельного круга,
я знаю, с тобой не расстанемся мы.
Мы – память,
Мы – память.
Мы —
звездная память друг друга.

Радиус действия
Мне все труднее
пишется.
Мне все сложнее
видится.
Мгновеньями летят года, —
хоть смейся,
хоть реви…
И я из дома убежал,
чтоб наконец-то вырваться

из радиуса действия
обыденной любви.

Я был самонадеян.
Сел в самолет.
Обрадовался.
От молчаливой женщины
решительно уехал.
Но все равно остался
в знакомом очень радиусе.
Слова ее,
глаза ее
во мне звучали
эхом.
Невероятный радиус!
Как от него избавиться?
Непостижимый радиус!
Нет никакого сладу.
И я на этом радиусе —
как на булавке
бабочка…
И больно мне,
и весело,
и тяжело,
и сладко…
О, радиусы действия!

Радиусы действия!
Они – во мне, они – в любом,
и никакой
межи!
Есть радиусы действия
у гнева и у дерзости.
Есть радиусы действия
у правды и у лжи.
Есть радиусы действия
у подлости и злобы —
глухие
затаенные,
сулящие беду…
Есть радиусы действия
единственного слова.
А я всю жизнь ищу его.
И, может быть,
найду.
А может,
мне
не суждено…
Летят неразделенные
года!
Но, вопреки всему,
я счастлив
оттого,

что есть на свете женщина,
судьбой приговоренная
жить
в радиусе действия
сердца моего!..

Снег

Этой ночью
первый снег летел в окно.
Этим утром
снег идти не перестал…
Так идет он,
будто кто-то озорно,
как бутылку,
все окрестности взболтал.
И не знает снег,
куда лететь ему,
где найти ему
местечко для жилья.
И забыл он, где земля,
зачем земля,
почему трава и зелень почему.
То идет он сверху вниз,
то снизу вверх —
озабоченный,
растерянный,

чудной…
Я прекрасно понимаю
первый снег,
потому что так же было и со мной.
Время встало.
А потом пошло назад!
Все часы на свете
канули во тьму.
И забыл я, что сказать.
Зачем сказать.
Почему смеяться,
плакать почему.
Шла за осенью
весна,
потом —
зима.
Позабыл я все слова,
все имена.
Позабыл я даже то,
как ты нужна, —
ты об этом мне напомнила
сама.
Очень гордая,
сама пришла ко мне,
равнодушие обидное стерпя.

На твоих ресницах
тает первый снег…
Что б я делал,
если б не было тебя?!

* * *

Не убий! —
в полумраке
грошовые свечи горят…
Из глубин
возникают слова
и становятся в ряд.
Если боль
и набухли кровавые кисти рябин,
если бой, —
кто услышит твое:
«Не убий…»?

Мы слышны
только самым ближайшим
друзьям и врагам.
Мы смешны,
если вечность
пытаемся бросить к ногам.
Есть предел

у цветка,
у зари
и у сердца в груди.
Мир людей.
И над каждым библейское:
«Не укради!..»
Мир
дрожит,
будто он искупался
в январской воде…
Надо
жить!
У последней черты.
На последней черте.
Думать всласть.
Колесить, как товарный вагон.
И не красть.

Разве что —
у богов.
Огонь.

* * *

Я верующим был.
Почти с рожденья

я верил с удивленным наслажденьем
в счастливый свет
домов многооконных…
Весь город был в портретах,
как в иконах.
И крестные ходы —
порайонно —
несли
свои хоругви и знамена…

А я писал, от радости шалея,
о том, как мудро смотрят с Мавзолея
на нас вожди «особого закала».
(Я мало знал.
И это помогало.)
Я усомниться в вере
не пытался.

Стихи прошли.
А стыд за них
остался.

* * *

Надо верить в обычное.
Надо рассчитывать

здраво.

У поэтов
с убийцами,
в сущности, равная слава.
Кто в веках уцелел?
Разберись в наслоенье мотивов…
Мы не помним царей.
Помним:
были Дантес и Мартынов.
Бесшабашные,
нервные,
святые «блюстители долга».
Ну подумаешь,
невидаль:
однажды вспылили —
и только!
За могильной оградою
все обвиненья напрасны…
Пахнут
их биографии
лишь типографскою краской.
Вот они на портретах
с улыбками благопристойными.
Так что цельтесь в поэтов —
и вы попадете

в историю!

* * *

Филологов не понимает физтех, —
молчит в темноте.
Эти
не понимают тех.
А этих —
те.
Не понимает дочки своей
нервная мать.
Не знает, как и ответить ей
и что понимать.
Отец считает, что сыну к лицу
вовсе не то.
А сын не может сказать отцу:
«Выкинь пальто!..»
Не понимает внуков своих
заслуженный дед…

Для разговора глухонемых
нужен свет.

* * *

А. Пахмутовой

Вроде просто:
найти и расставить слова.
Жаль, что это все реже.
И все больней…
Вновь бумага лежит —
ни жива ни мертва —
будто знает,
что ты прикоснешься к ней.

Но ведь где-то есть он,
в конце концов,
тот —
единственный,
необъяснимый тот —
гениальный порядок
привычных нот,
гениальный порядок
обычных слов.

О мастерах
Мир стареет

в былых надеждах.
Но сегодня,
как и вчера —
на плечах
эту землю держат
и несут на себе
мастера!
Мастера.
Профессионалы.
Те, что в жизни постичь смогли
щедрость камня,
душу металла,
свежесть формулы,
нрав земли.

Мастера.
Мастаки.
Умельцы.
Понимающие до глубин
механизм
станка или сердца,
ход смычка
или гул турбин…
Руки вещие простирая
к перекресткам
звездных миров,

время
движется мастерами
и надеется
на мастеров!
К ним взывает
нощно и денно…

Только —
дьявол ее возьми! —
приблизительность
овладела
торопящимися людьми.
Что-то учат,
о чем-то знают,
в общем – сеют,
в среднем – стригут.
Приблизительно
объясняют.
Относительно
берегут…

Приблизительное уменье,
как сварганенный наспех
дом, —
если даже не мстит
немедля,

то обрушивается
потом!
Откликается после
жестко,
все порывы
сводит на нет…
Мир
погибнет не от обжорства,
не от козней
чужих планет,
не от засух,
не от морозов,
не от ядерных
сверхатак, —
он погибнет,
поверив в лозунг
добродушный:
«Сойдет и так!»
Расползающееся в атмосфере
из квартир,
контор
и дворов
громовое:
«А нам до фени!» —
наступает
на мастеров.

А они стоят,
будто крепости,
в правоте
своего труда.
И не могут иначе.
И требуются
срочно!
спешно!
всюду!
всегда!

* * *

Помогите мне, стихи!
Так случилось почему-то:
на душе
темно и смутно.
Помогите мне,
стихи.
Слышать больно.
Думать больно.
В этот день и в этот час
я —
не верующий в Бога —
помощи прошу у вас.

Помогите мне,
стихи,
в это самое мгновенье
выдержать,
не впасть в неверье.
Помогите мне,
стихи.
Вы не уходите прочь,
помогите, заклинаю!
Чем?
А я и сам не знаю,
чем вы можете
помочь.
Разделите эту боль,
научите с ней расстаться.
Помогите мне
остаться
до конца
самим собой.
Выплыть.
Встать на берегу,
снова
голос
обретая.

Помогите…

И тогда я
сам
кому-то помогу.

Баллада о зенитчицах

Как разглядеть за днями
след нечеткий?
Хочу приблизить к сердцу
этот след…
На батарее
были сплошь —
девчонки.
А старшей было
восемнадцать лет.
Лихая челка
над прищуром хитрым,
бравурное презрение к войне…
В то утро
танки вышли
прямо к Химкам.
Те самые.
С крестами на броне…
И старшая,
действительно старея,
как от кошмара

заслонясь рукой,
скомандовала тонко:
– Батарея-а-а!
(Ой мамочка!..
Ой ро́дная!..)
Огонь! —
И —
залп!

…И тут они
заголосили,
девчоночки.
Запричитали всласть.
Как будто бы
вся бабья боль
России
в девчонках этих
вдруг отозвалась!..
Кружилось небо —
снежное,
рябое.
Был ветер
обжигающе горяч.
Былинный плач
висел над полем боя,
он был слышней разрывов —

этот плач!
Ему —
протяжному —
земля внимала,
остановясь на смертном рубеже.
– Ой, мамочка!..
– Ой, страшно мне!..
– Ой, мама!.. —
И снова:
– Батарея-а-а! —

…И уже
пред ними,
посреди земного шара,
левее безымянного бугра
горели
неправдоподобно жарко
четыре черных
танковых костра.
Раскатывалось эхо над полями,
бой
медленною кровью истекал…
Зенитчицы кричали
и стреляли,
размазывая слезы по щекам.
И падали.

И поднимались снова.
Впервые защищая наяву
и честь свою
(в буквальном смысле слова!).
И Родину.
И маму.
И Москву.
Весенние пружинящие ветки.
Торжественность
венчального стола.
Неслышанное:
«Ты моя – навеки!..»
Несказанное:
«Я тебя ждала…»
И губы мужа.
И его ладони.
Смешное бормотание
во сне.

И то, чтоб закричать
в родильном
доме:
– Ой, мамочка!
Ой, мама, страшно мне! —
И ласточку.
И дождик над Арбатом.

И ощущенье
полной тишины…

Пришло к ним это после.
В сорок пятом.
Конечно, к тем,
кто сам пришел
с войны.

* * *

Дружище, поспеши.
Пока округа спит,
сними
нагар с души,
нагар пустых обид.

Страшась никчемных фраз,
на мотылек свечи,
как будто в первый раз,
взгляни
и промолчи…

Придет заря, шепча.
Но —
что ни говори —

бывает, что свеча
горит
светлей зари.

* * *

Булату Окуджаве

Я шагал по земле, было зябко в душе и окрест.
Я тащил на усталой спине свой единственный крест.
Было холодно так, что во рту замерзали слова.
И тогда я решил этот крест расколоть на дрова.
И разжег я костер на снегу.
И стоял.
И смотрел,
как мой крест одинокий удивленно и тихо горел…
А потом зашагал я опять среди черных полей.
Нет креста за спиной…

Без него мне
еще тяжелей.

* * *

Е. Евтушенко

Такая жизненная полоса,
а может быть, предначертанье свыше.
Других
я различаю голоса,
а собственного голоса
не слышу.
И все же он, как близкая родня,
единственный,
кто согревает в стужу.
До смерти будет он
внутри меня.
Да и потом
не вырвется наружу.

Кочевники
Ч. Чимиду

У юрты ждут оседланные кони.
Стоит кумыс на низеньком столе…
Я знал давно,
я чувствовал,
что корни
мои —
вот в этой
пепельной земле!..

Вскипает чай задумчиво и круто, —
клубящегося пара торжество.
И медленно
плывет кумыс по кругу.
И люди величаво пьют его…
А что им стоит на ноги подняться,
к высокому порогу подойти.
«Айда!»
И все.
Минут через пятнадцать
они уже не здесь.
Они – в пути…
Как жалок и неточен был учебник!
Как он пугал меня!
Как голосил:
«Кочевники!!»
Да я и сам кочевник!
Я сын дороги.
Самый верный сын…

Все в лес смотрю.
И как меня ни кормят,
и как я над собою ни острю, —
из очень теплых и удобных комнат
я
в лес смотрю.

Все время
в лес смотрю.
То – север,
то – большое солнце юга!
То – ивняки,
то – колкое жнивье…
И снова я раскладываю юрту,
чтобы потом опять
собрать ее!..
Приходит ночь.
И вновь рассветы брезжат,
протяжными росинками звеня…
И подо мной, как колесо тележье,
поскрипывает
добрая
земля.

* * *

Неправда, что время уходит.
Это уходим мы.
По неподвижному времени.
По его протяжным долинам.
Мимо забытых санок посреди сибирской зимы.
Мимо иртышских плесов с ветром неповторимым.
Там, за нашими спинами —

мгла с четырех сторон.
И одинокое дерево, согнутое нелепо.
Под невесомыми бомбами —
заиндевевший перрон.
Руки, не дотянувшиеся до пайкового хлеба.
Там, за нашими спинами —
снежная глубина.
Там обожженные плечи деревенеют от боли.
Над затемненным городом
песня:
«Вставай, страна-а!..»
«А-а-а-а…» – отдается гулко,
будто в пустом соборе…
Мы покидаем прошлое.
Хрустит песок на зубах.
Ржавый кустарник призрачно топорщится у дороги.
И мы на нем оставляем
клочья отцовских рубах
и надеваем синтетику, вредную для здоровья.
Идем к черте, за которой —
недолгие слезы жен.
Осатанелый полдень.
Грома неслышные гулы.
Больницы,
откуда нас вынесут.
Седенький дирижер.

И тромбонист,
облизывающий пересохшие губы…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.